

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Инфермари-клоуз, Савой

Джеймс Марвуд, секретарь Джозефа Уильямсона и Совета красного сукна

Натаниэль Марвуд, его отец, вдовец, был женат на Рэйчел; в прошлом печатник

Маргарет и Сэм Уизердин, их слуги

Чертежное бюро, Генриетта-стрит

Саймон Хэксби, маркшейдер и архитектор

Джейн Хэксби, его служанка, ранее известная как Кэтрин Ловетт

Бреннан, его чертежник

Клиффордс-инн и Пожарный суд

Люциус Громвель, антиквар

Теофилиус Челлинг, секретарь Пожарного суда

Сэр Томас Твизден, судья Пожарного суда

Мириам, служанка в Клиффордс-инн

Пэлл-Мэлл

Сэр Филип Лимбери

Джемайма, леди Лимбери, дочь сэра Джорджа Сайра

Мэри, ее горничная

Ричард, лакей сэра Филипа, также известный как Кислая Мина Хестер, служанка

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

Уайтхолл

Джозеф Уильямсон, заместитель лорда Арлингтона, государственного секретаря
Уильям Чиффинч, хранитель личных покоев короля

Другие действующие лица

Роджер Пултон, удалившийся от дел торговец тканями, арендатор участка в Драгон-Ярде
Элизабет Ли, его экономка
Селия Хэмпни, его племянница, вдова
Табита, горничная госпожи Хэмпни
Госпожа Гров, сдает квартиру госпоже Хэмпни на Линкольнс-Иин-Филдс
Барти, подметальщик перекрестка на Флит-стрит, у Темпл-Бар

ГЛАВА 1

«Рэйчел, вот ты где!» Она замешкалась в проходе, ведущем от Савойской лестницы к реке. На ней был длинный синий плащ поверх серого платья, которого он не помнил. В руке закрытая корзина. Она прошла через сад к арке в противоположном углу. Ее башмаки на толстой деревянной подошве стучали по вымощенной плитняком дорожке.

«Это моя Рэйчел, — подумал он. — Как всегда, неугомонная. Но почему она со мной не поздоровалась?» Когда-то он сказал ей: «Ты как река, любимая, — всегда в движении, но всегда та же, что и прежде».

Они сидели на берегу Темзы в Барнс-Вуд. Она распустила волосы, каштановые, но с золотистыми прядями, сиявшими на солнце.

Она походила на шлюху с этими роскошными распущенными волосами.

Его охватило отвращение. Потом он овладел собой. «Женские волосы возбуждают похотливые мысли, — увещевал он самого себя, — но разве это грешно, если женщина — твоя жена, соединенная с тобой перед Богом, плоть от плоти твоей, кость от кости твоей?»

Теперь сад опустел. Почему бы не пойти за ней? Это ведь его долг. Разве женщины не слабый пол?

Он оперся на трость, чтобы легче было встать. Слава богу, он был по-прежнему крепок и бодр, однако стоило посидеть неподвижно — и ноги становились будто деревянными.

Он направился к арке. Дорожка сворачивала направо, огибая один из старых больничных корпусов Са-воя. Впереди, у ворот, ведущих на Стрэнд, мелькнула Рэйчел. Она остановилась, чтобы посмотреть на что-то — листок бумаги? — у нее в руке. А потом скрылась из виду.

Должно быть, она отправилась за покупками. Безобидное удовольствие, но только до тех пор, пока оно не порождает тщеславие — неискоренимый порок женщин. Они слабы, они грешны, вот потому-то Господь и поставил над ними мужчин — блюсти их и направлять на путь истинный.

Привратник в сторожке не обратил на него внимания. Мощеная дорожка вывела его на южную сторону Стрэнда. Поток телег и экипажей с ревом и грохотом двигался по проезжей части.

Он взглянул в сторону Чаринг-Кросс, полагая, что магазины Новой биржи привлекут ее, как мотылька пламя свечи. Ее нигде не было видно. Неужели он потерял ее из виду? Он посмотрел в другую сторону. Да вот же она, направляется к руинам, оставшимся от Сити.

Он помахал тростью.

— Рэйчел! — крикнул он. — Иди сюда!

Гам и конский топот на Стрэнде заглушили его слова.

Он последовал за ней. Скованность прошла; при ходьбе ноги набирали силу и темп. Рэйчел шла все дальше и дальше, мимо Сомерсет-хауса и Арундел-хауса,

мимо церкви Святого Климента и Темпл-Бар, направляясь в сторону Флит-стрит и к Либертис в Сити.

Он не сводил глаз с ее плаща, ходьба усыпила разум, и он чуть не забыл, зачем он здесь. У Темпл-Бар Рэйчел замерла в нерешительности, глядя на проезжую часть с неспешными потоками повозок и лошадей. Она опустила взгляд на листок бумаги в руке. Расписная карета остановилась на противоположной стороне улицы. В этот миг груженная бочками подвода пивовара, едущая навстречу, встала рядом. Улица была перегорожена.

Рэйчел перешла дорогу, лавируя между повозками.

Работники пивовара разгружали подводу у таверны «Дьявол». Один бочонок сорвался и рухнул на проезжую часть. От удара бочарные доски на одной стороне разошлись. Пиво полилось на дорогу. Двое нищих с радостными воплями ринулись к растекающейся луже. Они припали к земле и стали лакать, как собаки. Движение полностью застопорилось, намертво зажатые под тяжестью собственного веса телеги и повозки напирали друг на друга и давили со всех сторон.

«Это знак, — подумал он, — знак Господний. Он раздвинул эту транспортную реку для меня, как когда-то повелел расступиться водам Красного моря перед Моисеем и избранным народом».

Он перешел на другую сторону улицы, не отрывая глаз от плаща Рэйчел. Она повернула налево, в тень квадратной башни церкви Святого Дунстана на Западе.

«Зачем она меня дразнит? — Его терзало сомнение. — Неужели змий искушает ее? Неужели она поддалась уловкам дьявола?»

Переулок вел вдоль западной стены церкви к чугунной ограде с воротами в центре. Рядом стояла сторожка привратника, охранявшего проход в тесный двор. У входа в облицованное камнем здание с высокими стрельчатыми окнами толпились мужчины.

Рэйчел тоже была там. Она снова взглянула на листок бумаги в руке. Прошла внутрь. Он двинулся за ней, но толпа не давала пройти.

— С вашего позволения, господа, с вашего позволения! — крикнул он. — Прошу, господа, с вашего позволения!

— Эй, потише там! — шикнул упитанный клерк в черном. — Посторонитесь. Судьи идут.

Он непонимающе уставился на клерка:

— Какие судьи?

— Пожарного суда¹, разумеется. Судьи заседают сегодня.

Один за другим вошли трое джентльменов в сопровождении своих клерков и слуг. Их провели через арку.

Он протиснулся сквозь толпу и попал в проход, ведущий через другую арку во второй, больший по размеру двор неправильной формы. За ним виднелся сад — зеленый квадрат среди покрытых копотью зданий.

Не Рэйчел ли это там, в саду?

Он позвал ее по имени. Голос получился тонким и писклявым, какой бывает во сне. Она его не слышала, хотя двое мужчин в черных мантиях поглядели на него с любопытством.

¹ *Пожарный суд* — коллегия, созданная после Великого пожара 1666 года с целью предотвращения конфликтов между арендаторами и землевладельцами. На основании Акта о восстановлении суд решал, кто и на какие средства должен строить новый дом.

Как смеет она пренебрегать им? Что это за место, где полно мужчин? Почему она не сказала, что идет сюда? Уж не собралась ли она, упаси Господи, ему изменить?

На втором этаже здания, справа от сада, у окна стоял высокий мужчина и смотрел вниз, во двор. Оконное стекло делало его похожим скорее на тень.

Рэйчел свернула к ближайшему входу в конце здания, справа от сада, рядом с домом, поврежденным пожаром.

У него участилось дыхание. Возникло странное чувство, что мужчина у окна видел Рэйчел, а может, и его самого.

Мужчина скрылся. Это любовник Рэйчел. Он ее ждал, и вот она пришла.

Он знал, в чем состоит его долг. Он прошел через двор ко входу в здание. Дверь была отворена. На стене под козырьком крыльца висела разноцветная доска. Белые буквы разбегались вкривь и вкось по черному фону:

XIV

- 6 Мистер Харрисон
- 5 Мистер Моран
- 4 Мистер Горвин
- 3 Мистер Громвель
- 2 Мистер Друри
- 1 Мистер Бьюс

Сбитый с толку, он нахмурился. Сама по себе доска оскорбляла лучшие человеческие чувства и вызвала гнев Божий. Литеры различались по размеру, расстояние между ними было неодинаковым. В частно-

сти, фамилия мистера Громвеля была написана просто варварски. Было видно, что ее добавили позже, поверх другой. С литеры «л» потекла краска. Исполнитель вывески тщетно пытался стереть краску — видимо, пальцем, — но добился лишь того, что к ней прилипло какое-то дохлое мелкое насекомое.

«Пожалуй, — подумал он, роясь в кармане, позабыв ненадолго о Рэйчел, — можно было бы соскрести подтек лезвием перочинного ножа. Если бы только...»

Он услышал внутри какие-то звуки. Мужской голос. Потом другой голос, женский.

«Ах, Рэйчел, как ты могла?»

Он распахнул дверь и переступил порог. В маленьком холле было две двери, одна напротив другой. В задней части виднелась лестница.

Он прислушался. Ничего не слышно. Он заметил что-то блестящее на второй ступеньке лестницы. Он подошел ближе, чтобы рассмотреть получше.

Частичка влажной земли, на которую попал свет из раскрытой двери.

— Рэйчел? — позвал он.

В ответ тишина. Он представил, что она в спальне мужчины, с задранными юбками, и в нем пробудился свирепый зверь. Он яростно затряс головой, пытаясь прогнать гнусное видение.

Он поднялся по лестнице. На следующей площадке снова было две двери, одна напротив другой: под номером три направо и под номером четыре налево. Еще одна маленькая дверь была зажата между лестницей и задней частью площадки.

Номер три. Три — число чрезвычайной важности. Три двери и три христианские добродетели: вера, на-

дежда и милосердие. Три врага человека: мир, плоть и дьявол. Мистер Громвель, кем бы он ни был, значился под номером три.

По Божьему замыслу все имеет смысл, ничто не случайно, все предопределено, даже насекомое, прилипшее к краске, указывает ему путь.

Он поднял щеколду. Дверь медленно подалась назад, открывая гостиную квадратной формы. Комната была залита предвечерним солнечным светом, и его заворожила красота освещения.

Окно к Богу...

Он моргнул, и красота превратилась в обычный солнечный свет, осветивший картину в резной позолоченной раме, которая висела над камином. Он глазел на картину, на женщин, изображенных на ней в такой нечестивой сцене, что у него перехватило дух. Он заставил себя отвести взгляд и стал рассматривать комнату: шкаф из потемневшего дуба; кресло и стулья; яркий ковер; стол, а на нем бумаги, вино, сладости и два бокала; кушетка со множеством бархатных подушек цвета весенней листвы.

А на кушетке...

Змий в животе изогнулся и вонзил в него свои зубы.

Что-то не сходится, что-то не так...

На кушетке, отвернув голову, лежала спящая женщина. Волосы распущены, темные локоны ниспадают на белую кожу. Шелковое платье задумано скорее показать, чем скрыть, ее грудь. Платье желтое с вкраплением красного.

Она скинула туфли, прежде чем уснуть, и они валялись у кушетки. Легкомысленные женские штучки с вы-

сокими каблуками и серебряными пряжками. Подол платья задрался, почти обнажив колени и пену кружев. Одна рука беспечно покоилась на груди. На пальце кольцо с сапфиром.

Но это не Рэйчел. Ни капельки не похожа. Эта старше, тоньше, ниже ростом и не такая привлекательная.

Мысли закружились, как детский волчок. Вдруг его обуяло постыдное желание прикоснуться к груди женщины.

— Госпожа, — произнес он. — Госпожа? Вам нездоровится? — (Она не отвечала.) — Госпожа! — резко повторил он, злясь на себя и на нее оттого, что она ввела его в искушение. — Вы пьяны? Просыпайтесь.

Он подошел ближе и склонился над ней. Какая бесстыжая, порочная демонстрация плоти. Это дьявол сбивает людей с пути истинного. Он пялился на ее груди, не в силах оторвать глаз. Они оставались неподвижны. Эта женщина — как раскрашенная статуя в папистской церкви.

Конечно, у нее несуразное лицо. Рот открыт, видны зубы. Некоторые отсутствовали, остальные желтые. Мутные печальные глаза уставились на него.

«Господи», — подумал он, и на миг туман в его голове рассеялся, и он увидел перед собой жалкую грешницу, каковой она и была на самом деле.

«Отче милостивый, вот плоды греха моего и ее тоже. Господь наказал мою похоть и похоть этой бедной женщины. Благословен Господь в своей бесконечной мудрости».

А вдруг в этой падшей женщине еще теплится жизнь?

Разве Господь не желает, чтобы он заставил ее раскаяться?

Она была неестественно бледна. В уголке левого глаза бархатная мушка в форме кареты с лошадьми. Другая мушка в форме сердечка на щеке. Бедная тщеславная женщина украсила себя пудрами и мушками. И для чего? Заманить мужчин в свои грешные объятия.

Он склонился над ней и приложил ухо к левой стороне груди в надежде услышать или почувствовать биение сердца через платье и сорочку. Ничего. Он сдвинул пальцы. Сердцебиения не ощущалось. Он дотронулся до чего-то влажного и липкого. Запахло железом. Вспомнилась мясная лавка рядом с домом, где он раньше жил, на Патерностер-роу.

Опять какой-то звук? На лестничной площадке? На лестнице. Он отдернул руку. Пальцы были в крови. Как у мясника, когда тот зарезал свинью на пороге и кровь стекала в канаву — пиршество для мух. Почему так много крови? Кровь была на желтом платье: вот откуда вкрапления красного.

Слава Господу, она не Рэйчел. Он вздохнул и опустил веки ее невидящих глаз. Он знал, что делать, когда умирает человек. Когда Рэйчел испустила свой последний тяжкий вздох...

Манжет сорочки испачкался кровью. Он моргнул, потеряв мысль. Кровь была на рукаве. Они рассердятся, что он испачкал одежду.

Он взял со стола бумагу и старательно отер руку и манжет. Сунул бумагу в карман, чтобы потом выбросить, и медленно поднялся.

Рэйчел. Господи, как он мог о ней забыть? Может, она вышла, пока он отвлекся.

В спешке он наткнулся на кресло, и оно опрокинулось. На лестничной площадке он затворил за собой дверь. Спустился. Когда он вышел на солнечный свет, что-то щелкнуло у него в голове, и он вдруг вспомнил, что это за место: гнездовье законников, коих развелось не счесть за стенами Старого города. Так гнезда грачей растут гроздьями на деревьях в саду вокруг дома.

Законники. Исчадия дьявола. При помощи лжи и своей латыни они докажут, что белое — это черное, и посадят в тюрьму невинных богобоязненных людей. Это он знал на собственном горьком опыте.

В саду распевали птицы. Двор был полон людей, по преимуществу мужчин и по преимуществу в черных мантиях законников. Ему снова пришли на ум грачи, разговаривающие друг с другом. «Гаар-гаар, — прошептал он про себя. — Гаар-гаар».

Он побрел на одеревеневших ногах к главному зданию с высокими стрельчатыми окнами. Остановился в дверях и оглянулся. Поднял глаза на дом, из которого только что вышел. Человек-тень снова стоял у окна на втором этаже. Он вскинул руку, обращаясь к тени, отчасти обвиняя, отчасти торжествуя: вот перед вами возмездие за грех. Падайте на колени и кайтесь.

Тут он увидел Рэйчел. Она выходила из обугленного дома, пострадавшего в пожаре, рядом с лестницей XIV. Она натянула на голову капюшон, чтобы скрыть свой стыд. Она пытается спрятаться от него. Она пытается спрятаться от Бога.

— Гаар-гаар! — кричали грачи.

— Рэйчел, — произнес он, или ему это только показалось. — Рэйчел...

Мимо нее прошел законник и задел ее плечо. Капюшон съехал. К своему изумлению, он увидел, что женщина была вовсе не Рэйчел. У этой женщины была каинова печать на лице. Каин завидовал своему брату Авелю и убил его.

Это не Рэйчел. Его жена мертва, гниет в могиле, ждет среди червей второго пришествия Господа и вечного царствия Иисуса. И у Рэйчел никогда не было такой каиновой печати...

— Грешница! — закричал он, погрозив кулаком. — Грешница!

Яд змия действует и после смерти. Может, он ошибался в Рэйчел. Может, она тоже была шлюхой, как Ева, искусительница мужчин, и ей суждено вечно мучиться в адском пламени.

— Гаар-гаар! — кричали грачи. — Гаар-гаар!

ГЛАВА 2

Просто удивительно, как деньги в кармане и положение в обществе могут повлиять на самооценку мужчины.

И вот перед вами я, Джеймс Марвуд. Более холерный и более преуспевающий, чем полгода назад. Секретарь мистера Уильямсона, заместителя государственного секретаря — самого лорда Арлингтона. Секретарь Совета красного сукна, подчиняющегося департаменту камергера стула¹. Джеймс Марвуд — в общем и целом многообещающий малый, даже если только по собственной оценке.

В тот вечер, в четверг 2 мая, я отправился по воде от Тауэра, где выступал в качестве свидетеля по поручению мистера Уильямсона на допросе некоторых заключенных. Прилив был нам в помощь, хоть и начался недавно. Руины Сити лежали справа от меня: церкви без крыш, шаткие печные трубы, склады, от которых остались одни стены, кучи пепла. Но расстояние и солнечный свет придавали им странную красоту, расписывая

¹ *Камергер стула* — придворный, помогающий монарху в удовлетворении его естественных потребностей. Эта должность была почетной. Именно камергер стула становился тем человеком, которому король доверял и с которым делился многими секретами.